

Наталья Гайдашова

БАБЕТТА

16+

Наталья Николаевна Гайдашова

Бабетта

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57329118

SelfPub; 2020

Аннотация

Жизнь, любовь, одиночество... Жизнь невозможна без любви, любовь полна разочарований, и нет человека, который бы не испытал в жизни любовь, при этом не чувствуя себя одиноким. Героиня рассказа Светлана Николаевна оказывается на грани между жизнью и смертью. Ее подсознание защищает от надвигающейся катастрофы и создает иллюзию другого мира и другой Светланы Николаевны, ставшей в одночасье молодой и красивой. Однако, чтобы эти чудесные изменения произошли, она должна "пройтись" по своей жизни, начиная рассказ с детских лет и заканчивая последним роковым для нее днем.

Содержание

Часть первая	4
Рассказ Светланы Николаевны	4
Часть вторая	50
Рассказ Бабетты	50

Часть первая

Рассказ Светланы Николаевны

По длинному коридору шла женщина. Этот коридор слабо освещён, но нигде не видно осветительных приборов, на стенах не были укреплены факелы и не горели живым огнем свечи в канделябрах. Тусклый свет лился ни откуда, впереди он заглушался сам собой, и мрак сгущался. Впрочем, коридор больше похож на тоннель. Гладкие, темные стены как зеркала отображали тень женщины по мере её продвижения, ровный пол не отдавался стуком её глухих шагов, а потолок временами казался «живым» и напоминал темное низкое небо перед грозой. Женщина шла уже давно. Она потеряла нить времени. Иногда она приходила в отчаяние от того, что тоннель не имеет конца, хотя и начала она не помнила. Тогда женщина начинала что-то беззвучно шептать и проводить руками по лицу, как будто ощупывая его. В тишине изредка легкое дуновение воздуха налетало из-за спины женщины и тогда ей слышалось, будто это раздаётся чей-то скорбный вздох, но она ни разу не оглянулась, лишь ускоряла шаги и дрожащими пальцами проводила по щекам. Постепенно, чувства притупились, и она уже не пугалась «вздохов» и полумрака. Поначалу её одолевали мысли, они были

разными и сменяли друг друга непоследовательно, но и они притихли. Наконец, вдали показалась дверь. Это была обычная дверь. Приблизившись к ней, женщина положила руку на дверную ручку, и та охотно приняла её. Пальцы слегка надавили, ручка с легкостью пошла вниз, тихо щелкнула и больше не сдерживала дверь. Женщина толкнула её и оказалась в комнате. За массивным и старомодным столом сидел Человек. Стол стоял посередине комнаты, и кроме одинокого стула больше мебели не было. Сама же комната напоминала большую коробку с такими же гладкими стенами, глухим полом и мрачным потолком, как и в тоннеле. Это и была часть тоннеля, отделенная дверью и имеющая окончание в виде темной стены. Такой же ровный и приглушенный свет встретил женщину, такая же тишина обступила её. Человек поднял голову от бумаги, на которой быстро что-то записывал, широко улыбнулся, встал из-за стола и протягивая руки к женщине радушно сказал:

– Светлана Николаевна, голубушка, что же вы стоите в дверях, проходите, садитесь, вот сюда, на этот стул. Я признаться вас ждался.

Женщина не сдвинулась с места, по её щекам струились слёзы.

– Вот так клюква! Слезы! Почему слезы?

– Я боюсь. – еле слышно произнесла Светлана Николаевна.

– Меня боитесь? Не надо меня бояться. Я не причиню вам

никакого вреда. – сказал Человек и улыбнулся.

Светлана Николаевна села на краешек стула, провела ладонями по коленям, расправила платье и затихла.

– Так чего вы боитесь, дорогая и любезная моя, Светлана Николаевна?

– Боюсь, что детей не увижу, и вообще больше ничего не увижу. – немного подумав, ответила женщина.

– Полно вам, детей вы своих видели очень редко, а плачете больше от жалости к себе, чем от страха. Сознаться, что это так.

– Да. – покорно соглашается Светлана Николаевна.

– А вот жалеть себя не надо, потому что все у вас хорошо.

– Что же хорошего! Не знаю где я, не знаю кто вы.

– Согласен. Разговаривать не представившись, невежливо. Однако, я боюсь, что, назвав себя, ещё больше вас запутаю, поэтому решим так – я доктор. Лечу человеческие души. Помните, вы посещали Клосса Станислава Сбигневича, разве не замечаете сходства: костюм, голубая рубашка, приятный парфюм.

– Ой, как же это...

– Всё от вашей невнимательности. Зашли и сразу в слёзы ударились. А так согласитесь – похож!

– Очень похож.

– Славно! Идём дальше. Я обладаю полномочиями провести с вами беседу, по окончании которой вы почувствуете себя лучше.

– А разве я больна? – на лице Светланы Николаевны высыхают слезы, но появляется тревога, которая в любой момент может пролиться неподдельными влагой.

– Конечно. – с живостью отвечает Человек. – Больны и не знаете об этом. Для того, чтобы идти дальше, надо быть здоровой, то есть абсолютно здоровой.

– Как же я поправлюсь так быстро, у меня ноги болят лет десять, чем только не лечилась, ничего не помогает. – как бы оправдываясь, говорит женщина и в очередной раз проводит руками по коленям.

– Что вы! – у Человека округлились глаза, – какие ноги! Разве о них речь! Забудьте об этом. Мы про вашу душу говорим. Лишь она может быть больна, поверьте мне, я знаю о чём говорю.

– А нельзя без лечения?! – Светлана Николаевна воскликнула это таким тоном, что невольно хочется, чтобы она продолжила. – Умоляю!

– Давайте по порядку, без лечения нельзя, и идём мы с вами вперед. Согласен, что туманно. Но объяснять – дороже выйдет. Доверьтесь мне. Я же доктор, поэтому вреда вам не причиню.

– Лечить-то меня таблетками или уколами будете?

– Что вы, голубушка, никакой химии, только проверенные, можно сказать народные, средства.

Светлана Николаевна трогает себя за лицо (вроде все на месте). «Я сошла с ума, – проносится у нее мысль, – в пси-

хушке нахожусь».

– Нет и еще раз нет. Как вы могли такое подумать! – Человек с возмущением развёл руки. – Как вам такое в голову могло прийти! В психушке!

– Мне не хорошо, голова кружится! – Светлана Николаевна закрыла глаза.

– Это с не привычки! – радостно восклицает Человек. – Воздух у нас здесь чистый, можно сказать божественный! Пересядьте вот сюда, на диванчик, вам будет удобнее.

– Откуда он ...

– Уверю вас, стоял на этом самом месте.

Диванчик с высокой спинкой, пухлый и несуразный, с круглыми подлокотниками, напоминающими два больших батона варенной колбасы, стоял справа от женщины. Она села на диванчик и сразу утонула в его мягкости так, что оказалась сидящей почти на полу с высоко поднятыми коленями. Светлана Николаевна положила на колени ладони, потом спохватившись, провела пальцами по лицу, удостоверилась, что оно на месте, и вернула руки на прежнее место. Она вспомнила, что сидела на таком же диванчике у Станислава Сбигневича, но его диван был белого цвета, а этот коричневого. Вспомнила Светлана Николаевна, с каким хвастовством доктор рассказывал, что заказал диван из Италии у очень модного и дорого дизайнера, и назывался диван в переводе с итальянского «Облаком».

– Согласитесь, что к нашей обстановке больше подходит

коричневый цвет, Светлана Николаевна.

Женщина кивнула. Ей вдруг очень захотелось пить, так захотелось, что в горле пересохло, а распухший язык занял почти всё пространство во рту.

– Светлана Николаевна, любезная моя, а не выпить ли нам с вами чайку, как вы любите с баранками и вареньем?

И не успела женщина согласиться с таким заманчивым предложением, как на столе появился поднос, накрытый белым полотенцем, а перед ней низенький столик, как раз подходивший по высоте к её коленям. Как он там очутился – полная загадка. Человек снял полотенце с подноса, и женщина увидела необычайной красоты чайник, две чайные пары, хрустальную вазочку с вареньем, и фарфоровое блюдо с баранками. Человек разлил по чашкам душистый чай и перенёс поднос на столик перед Светланой Николаевной. Себе же оставил чашку на столе, да так ни разу к ней и не притронулся.

– Как вы любите, без сахара.

Светлана Николаевна сделала глоток, потом второй, потом залпом выпила весь чай из чашки, несмотря на то что он был горячим.

– Хорошо. – сказала она. И аккуратно поставила пустую чашку на поднос.

Человек подошёл и наполнил ещё раз чашку, и этот чай женщина выпила залпом. Человек налил третью, а потом и четвертую чашки, и чай благополучно перекочевал в Свет-

лану Николаевну.

– Пить очень хотелось. – пояснила она в своё оправдание. Жажда – вздохнула и положила ладони на колени.

– Жажда. – повторил Человек. У нас вода очень вкусная, нектар, да и только.

Женщина согласно кивнула головой.

– Ну что, Светлана Николаевна, предлагаю начать разговор. Вам теперь спокойней?

– Да, только душно немного.

Лицо у женщины покраснелось, и на лбу выступила испарина.

– Сейчас поправим. Окно откроем и дышите воздухом сколько хотите.

– Окно-то откуда взялось. – с испугом прошептала женщина.

– Вы меня пугаете, я уже начинаю думать, что у вас любимая моя, Светлана Николаевна, со зрением неладит.

За спиной женщины открытое настежь окно впустило потоки воздуха в комнату, и сразу разлился аромат сирени, (который так любит Светлана Николаевна), и по темному потолку побежали салютом солнечные зайчики, собрались по углам светлыми пятнами, а потом опять рассыпались и опять образовали круги. В комнате стало светлее, и все мрачные тона пропали, темные углы выступили из тени вперед, как будто вечерние сумерки неожиданно сменились на солнечное и радостное утро. Помимо свежести, в комнату доноси-

лось птичье пение, разноголосое и немного крикливое, какое бывает в мае, когда множество самых разных по размеру и оперению птиц в лесу среди веток кустарников или по берегам реки возвещают начало весны.

– Давайте начнем с детства, – Человек развернул стул в сторону женщины, положил ногу на ногу, и всем своим видом продемонстрировал готовность слушать.

– С моего детства? – задаёт вопрос женщина, и в отличие от Человека она явно не была готова к беседе.

– Да, с самых первых воспоминаний, милейшая моя, Светлана Николаевна. Не торопитесь, подумайте. – подбадривает её Человек. Выражение лица у него мягкое, карие глаза так и светятся добротой, и весь его облик говорит, что он деликатный и воспитанный человек, что он располагает к откровенному разговору и умеет хранить чужие тайны.

– Ой, не знаю с чего начать. Давно из детства выскочила.

Наступает пауза. Птицы поют за окном, аромат сирени радует, жёлтые блики переливаются на потолке, Человек терпеливо ждет. Женщина начинает рассказ:

– Помню, я с мамой гуляю в парке, помню мороженное у меня в руках – эскимо обсыпанное ореховой крошкой. Это было самое дорогое мороженное. Обычно брали за семь копеек плодово-ягодный щербет. Мы были с мамой вдвоём, без сестер. У меня ещё две старшие сестры. Мороженное растаяло, и я перемазалась в шоколаде. Я слизывала его с рук и с обёртки. А потом расплакалась с досады, что столь-

ко мороженого пропало. Бывало, что мы с сёстрами могли скопить немного денег, тогда покупали бутылку газировки и сайку с конфитюром. Газировку делили поровну, а булку мерили линейкой, чтобы всем досталось одинаково. С детских лет я знала, что такое экономия. Денег всегда не хватало. Жили очень скромно.

– Это плохо?

– Чего ж хорошего. Отказываешь себе во всём, завидуешь, если у кого-то есть, а у тебя нет.

– Зависть может стать стимулом для стремления к лучшему.

– Сразу видно, что не жили вы на задворках и нужду не нюхали.

– Чем же она пахнет?

– Щами из квашенной капусты, сыростью и старьём, а ещё долгами. – Светлана Николаевна горячится, но взглянув на Человека успокаивается. Человек, вертит в руках шариковую ручку, самую обычную дешёвую шариковую ручку. Вид этой ручки действует на женщину умиротворяюще. «У меня такая была». – проносится мысль в ее голове.

– Светлана Николаевна, а разве долги пахнут? – Человек говорит это с иронией.

– Пахнут? Воняют! Отчаянием, унижением. Особенно, когда вовремя не можешь отдать. Всегда боялась долгов, да только всю жизнь жила в долг.

– А что же плохого в щях?

– Ничего плохого нет, если готовишь их для разнообразия, к примеру, раз в полгода, а если кушаешь щи изо дня в день, поверьте, возненавидишь их. Так прежде чем сварить такие щи, осенью всей семьей капусту рубим. Мать капусту в деревянное корыто бросает, отец сечкой рубит, а мы дети морковку моем, чистим и трём на терке. Потом готовую просоленную капусту в большие эмалированные баки (женщина разводит руки, показывая размер бака) укладываем и ставим в комнате в тёплое место, для закваски. Вонь стояла! Вот из такой капусты мать всю зиму щи варила и на обед, и на ужин.

– Где же вы ее хранили?

– Сарайки в каждой семье были. Капусту, картошку, морковку, хлам всякий там и хранили.

– А кто были ваши родители?

– Обычные люди. Мама всю жизнь лямку тянула, всегда уставшая, худая была – кожа да кости. Отец пил. Колотил нас всех по пьяни. Трезвый был безобидный, даже тихий. Пить совсем не умел. Как только ему за воротник попало, всё – ушел в запой на несколько дней. А тогда и буянит и руки распускает. С работы не увольняли, потому что столяр был хороший.

– Светлана Николаевна, у меня, признаться, вызывает улыбку его прозвище, очень оно ему шло: «Сопулькин». Постоянно висела у него над губой зеленая сопля.

– У отца был хронический гайморит. – в голосе женщины слышится осуждение.

– Да, да знаю, но и вам доставалось из-за папенькиной сопли. Вас же все детство звали Светка Сопулькина. Сознаться, что вам было обидно и местами вы отца своего просто ненавидели.

– Да, обидно было, так и что, дите глупое да неразумное. Всё детство мне было за что-нибудь обидно. Жили так непуतेво. – и в голосе женщины слышится уже не осуждение и не обида. Её печалят эти воспоминания.

– На краю посёлка, – продолжает она, стояло несколько деревянных барачков, построенных ещё до войны. Местные жители называли их «Шанхай».

– Почему «Шанхай»?

– Потому что удобств в них не было, и забиты они жильцами были под завязку. Район был, как принято сейчас говорить, «не престижный». В одном из барачков, с десятком других семей, ютилась и наша семья. Тесно, детей много, мужики все горькую пили. Скандалы каждый день, то у нас, то у соседей. Наша семья занимала две маленькие комнаты, метров по четырнадцать каждая. Сначала жили в одной, но мать добилась, дали нам соседнюю комнату. Расширились, значит. Кухня общая, туалет на улице тоже общий. И жизнь у всех общая, на виду, все про всё знали. Помню, отец никак не мог уговориться, уже давно за полночь, а он поёт. Любимая песня у него была «По диким степям Забайкалья». Сидит за столом, нога на ногу перекинута, голова опущена и тянет «По диким степям Забайкалья, где золото моют в горах

...», а потом заплачет так горько-горько, кулаком по столу грохнет: «Зойка, так тебя рас-так, дай пожрать». Мать ему «Ложись спать, третий час ночи, детям завтра в школу». Под утро соседка не выдержала, пришла к нам. Бойкая такая была, с мужиками на кулаках дралась.

– Так прямо и дралась?

– Чему вы удивляетесь. Я же сказала, пили мужики. Если у какой бабы скандал в семье, пойдет сосед соседа укрощать? Нет. Событыльники ведь. Прозвище у неё было не очень приличное. Светлана Николаевна улыбается и отводит взгляд.

– Какое?

– Не удобно мне его вам говорить.

– Светлана Николаевна, мы же взрослые люди.

– Ну ладно. Звали её все Люська Жопова. Очень уж зад у неё был выдающийся. Не давал он покоя людям. Люську бедную замучили шуточками. Больше-то конечно мужики зубоскалили. Она, наверное, в отместку им пьяным тумачи-то и раздавала. Бывало, к ней за помощью битая жена прибежит, уже не за себя просит, за детей. Так Люська как корова бешеная, только не мычит, ринется на пьяницу, бьет бедолагу с размаху без разговоров. Что под руку попадалось, тем и ошарашивала. Но зла мужики на неё не держали. Проспят, протрезвеют и ещё благодарят, что остановила, до греха не дала допрыгаться.

– Понятно, значит и батюшке вашему досталось?

– Досталось. Терпела Люся долго, потом не выдержала (у

нас стенка между комнатами общая была, слышно хорошо), заходит без стука и видит: свет горит, накурено, отец за столом сидит, песни поет и слезы размазывает, я с сёстрами на диване, мать в уголке на краешке табуретки примостилась.

– Развлекаешься сосед! – говорит грозно.

– Тебе то что. – отвечает отец. – Иди...

Ну, понятно куда.

– Ты песни поешь, тебе весело, а я из-за тебя не сплю. Да я тебя Колька соплей перешибу!

Схватила его за грудки, потрянула, потом кричит матери: «Полотенце давай!». Повалила его на пол, сверху села, задом придавила, он пошевелится не может. Тут и мы на помощь подоспели, связали его по рукам и ногам полотенцами. Отец больше от унижения, что скрутили его бабы с ребятишками, ругается. Оставили на полу связанного, а сами спать пошли в другую комнату. Верите, так устали пока с ним воевали, что уснули замертво. Утром зашли в комнату и ахнули. Около отца табуретка валялась, пока свалка-то была, уронили и не поставили. Он же от злости ножку у табуретки сгрыз, как бобры грызут, одни щепочки валялись вокруг. А табуретку сам сделал. С нами несколько дней потом не разговаривал, так обиделся.

Человек и женщина посмотрели друг на друга. Человек с сочувствием, женщина устало. Её руки лежат на коленях и временами гладят их, как будто массируют. Это движение, по всей видимости, очень успокаивает женщину. Она боль-

ше не трогает себя за лицо. Кажется, что она привыкла к окружающей её обстановке и Человеку, но теперь всё отчетливей проступает на её лице тень, она тяжелой маской скрывает черты лица и придает ему болезненное выражение. Ей тяжело думать и собирать мысли в стройный поток слов. Она с удовольствием бы уснула. Однако, она точно знает, что уснуть не смогла бы, а только лежала бы с закрытыми глазами, как она часто делала длинными ночами.

– Светлана Николаевна, вы устали?

– Нет. Я думаю, что рассказывать дальше.

Женщина опустила глаза и стала внимательно рассматривать руки. Раньше она не замечала, что у неё такие не красивые пальцы.

– Знаете, я в детстве очень тихая была, запуганная что ли. Прятаться очень любила в уголок в общем коридоре барака. Мебель старую свалили в кучу у стены, шкаф стоял не плотно к стенке, небольшая щель была. Я любила туда залезать, так мне там спокойно и безопасно было. Я придумала, что это мой домик. Наклеила открытки на стену для красоты. Скатаю маленькую горошинку из пластилина, к стенке прикреплю, а на неё сверху открытку. Сажу на полу, люблюсь. На открытках в основном были цветы. Подружка у меня была, Таней звали. Она жила в нашем бараке с родителями. Постарше меня на год. Тихая, как и я. В щель эту мы вдвоем не помещались, поэтому сидели по очереди, она за шкафом, я на полу рядом. Потом местами меняемся... История с ней

произошла страшная.

– Я знаю. – говорит Человек. – Хотите я сам расскажу про Таню. Жили они в такой же маленькой комнате, как и вы. Отец её Виктор Жуков и выпить любил и лодырем был. Во время войны в самый голодный год безобидного вида старичок предложил девятилетнему Вите поиграть в игру, интересную игру, как он сказал, в обмен на стакан молока, и пообещал, что игра ему понравится. Но игра Вите не понравилась, во-первых, молоко оказалось прокисшим, во-вторых, сама игра была, если так можно выразиться, на любителя. Встреча с этим дедушкой не прошла для Вити бесследно. Как то, находясь в подпитии, он предложил Тане, своей дочери, поиграть в ту самую игру. У бедной девочки не было выбора. Ей пришлось играть. Играть до тех пор, пока однажды не вовремя вернувшаяся мать не застала их за этой игрой. Был суд. Виктору дали двенадцать лет колонии. Там он и умер. А Таня с мамой уехали жить в областной город от позора подальше. Таня закончила институт, работает учителем русского языка и литературы, дети её любят за доброту. Замуж она не вышла. Появилась у неё подружка. Про их тайную связь никто не догадывается. Так и живёт. Кстати, часто вспоминает вас, уголок за шкафом и открытки на стене. Знаете, что самое поразительное?

Светлана Николаевна скривила губы, но глаза у неё сухие.

– Таня простила отца. В душе у неё нет ненависти к нему, а когда узнала, что он умер, искренне горевала. Чистая душа!

– А что же Витька, раскаялся?

– Нет. Когда умирал, то и тогда не просил прощения у дочери.

– И что же, есть таким извергам наказание, или всё им с рук сходит?

– Наказание? Не могу ответить.

– Значит, нет наказания? – горячится Светлана Николаевна.

– Любезная моя, Светлана Николаевна, разве тюрьма не наказание.

– Нет, я про суд божий говорю!

– У-у, куда вас закинуло! Я не знаю, а вот Виктор уже смог бы вам ответить.

– Нигде правды не услышишь, вот вы тоже выкручиваетесь. А что тогда про людей грешных говорить! – спорит Светлана Николаевна.

– Вы не справедливы! Я не выкручиваюсь. Придет время, и всё узнаете сами, но не от меня. Я вам правду рассказываю, а выводы уже сами делайте.

– Мой вывод – Витька не был наказан по справедливости!

– А как по справедливости?

– Порвать его надо было на части!

– Так его и порвали. Поверьте, он же игрушкой стал для многих заключенных. Только он играл с дочкой понарошку, а с ним все жёстко было.

Светлана Николаевна опять скривила губы, подняла

взгляд к потолку и увидела там легкие тени, так похожие на облака.

– Ох, как мне тяжело. – подумала шёпотом женщина. – Какие же это муки!

Человек реагирует незамедлительно.

– Дорогая моя, Светлана Николаевна! Давайте прогуляемся. Разомнем ноги, полюбуемся на лебедей.

– На лебедей? – женщина с сомнением посмотрела на Человека.

– Да. Вы видели лебедей?

– Видела, по телевизору.

– Прекрасно, теперь увидите их вживую.

Светлана Николаевна попробовала подняться с дивана. Не получилось, и тогда она села бочком и согнувшись, с трудом подняла свое грузное тело.

– Идемте. – говорит она, не глядя на Человека.

– Идемте. – эхом отвечает он.

Человек открыл дверь, и вместо полутемного тоннеля, они оказались на невысоком крыльце, которое окутал солнечный и теплый день. Как только они спустились по ступенькам, перед ними расстелилась дорожка. Она заманчиво петляла среди кустов и деревьев. Когда диковиной красоты кусты, усыпанные цветами разных форм и расцветок, заканчивались, то появлялись лужайки, а среди идеального газона были разбиты клумбы. Всё тот же птичий гам преследовал идущих по дорожке Человека и женщину. Богатый аромата-

ми цветов, разогретый солнцем воздух, приятно обдувал лицо. Такая жизненная сила была разлита вокруг, что Светлана Николаевна на мгновение забыла, что с ней произошло, и где она находится.

– Вам нравится здесь, Светлана Николаевна?

– Рай пресветлый! – в её голосе восхищение, лицо разрумянилось, и улыбка очень молодит женщину.

Неторопливым шагом подошли они к пруду, воды которого переливаются ярким светом и как в зеркале повторяют редкие, уплывающие вдаль, облака.

– А вот и заветная скамейка! Прошу вас, присаживайтесь.

Светлана Николаевна села, и сразу из ниоткуда возникли и медленно проплыли два лебедя. Изогнутые благородные шеи были повернуты в её сторону, плавное скольжение птиц по воде как будто завораживают женщину, и она сосредоточенно рассматривала их.

– Красавцы! Как они вам, лучше, чем по телевизору?

– Лучше, только, знаете, на гусей похожи... – женщина делает паузу и добавляет. – Немного.

– Между лебедем и гусем всё же есть разница.

– Конечно, лебедь яиц не несёт. – уверенно отчеканивает Светлана Николаевна.

– Всё дело в яйцах?

– Гусь для человека полезней, мясо, пух и перо.

– С этой точки зрения полезней, а эстетика?

– Что? – не понимает женщина.

– Красота, согласитесь, лебедь красив.

– По мне, что гусь, что лебедь. Разницы не вижу.

Светлана Николаевна вспоминает небольшой пруд на окраине посёлка, полный гогочущей птицей. Разбросанные по земле серые и белые перья, птичий помёт повсюду, шум от неугомонных гусей. Эти два лебедя на тихой воде пруда в этот солнечный день кажутся ей не живыми, думается Светлане Николаевне, что сейчас закроет она глаза, а когда откроет их, и лебеди исчезнут.

– Любезная моя, Светлана Николаевна, вы не размышляли о том, что порой действительность, которая окружает нас, в будущем станет прошлым и тогда появится иллюзия того, что с нами не было тех или иных событий.

– О чем вы?

– Я о времени. Завтра вы еще будете помнить о сегодняшнем дне, а вот уже лет через двадцать... Сможете ли вы с достоверностью сказать, что да, точно, этот день был мною прожит.

– Конечно, если я буду его помнить.

– Хорошо, а как вы сможете подтвердить свои слова. Кто помешает сказать вам, что сейчас перед вами плавают два гуся, а не два лебедя. И когда вы это скажете, как я должен отреагировать: поверить вам или нет?

– Вы путаете меня, зачем кому-то говорить неправду о прошлом.

– Почему неправду? Я спрошу вас по-другому. Вы увере-

ны, что прошлое было? Может такое быть, что вы придумали или, мягко говоря, нафантазировали его?

– Не знаю я этого. Только как я могу что-то нафантазировать? Бывает, что последствия остаются.

– Это верно. Тогда ответьте мне, люди, которые вас окружали в прошлом, были?

– Конечно, были.

– Значит Костя был?

– Был. Я его помню до сих пор.

– Почему?

– Жалела его очень. Я сама была в ту пору ребёнком, мне лет двенадцать, а ему – годика четыре. Однажды зимой я возвращалась из школы. Помню – морозно было. Бегу, тороплюсь, нос прикрываю рукой, чтобы не отморозить, смотрю, у нашего дома на скамейке мальчик сидит. Одет так плохонько, пальтишко на нём осеннее, шапка тоненькая, ручки в рукавах пальто держит, на манер муфточки. Но больше всего меня поразило то, что обут он был в валенки без калош, на одном из них подошва стёрлась до дыры, и из неё красная пятка мальчика торчала. Изношенные валенки были. Я его спросила, что он делает на нашей лавочке, а он мне тихо и медленно отвечает: «Сижу». Я спрашиваю: «Как тебя зовут?» А он: «Котя». Это он так замёрз, что у него еле язык ворочался. Поняла я, что он Костя. Так его потом и звала Котя-Потя. Оказалось, что он жил недалеко. Семья многодетная, неблагополучная, как у нас было принято говорить.

Привела я Котю-Потю к нам домой. Пальтишко сняла с него, а на мальчонке рубашонка фланелевая застиранная, а на неё вязанная безрукавка одета, вот и всё обмундирование. Холодный весь и ручки, и ножки, и спинка! Мордашка у Коти такая хорошенькая была! Глазки светлые, голубенькие, носик остренький, волосики белые и мягкие как пух. Завернула я его в свою кофту, согрелся. На лице улыбка появилась, глазки забегали, с интересом смотрят по сторонам. Ну, у меня там игрушки кое-какие были. Вижу – хочется ему. «Бери, – говорю, – играй, я пока погрею обед». Сидим мы с ним за столом, он ши уплетает, только ложка стучит. Потом спрашиваю: «Котя, чай будешь?»

«Буду, я его очень люблю кушать!»

Мне смешно стало: «Чай пьют, а не кушают». А он мне отвечает: «Нет я его кушаю». Я хоть и невелика была, но догадалась, что так его кормят дома, чайком да хлебушком. И это в лучшем случае.

Потом рассказывал он мне, что мать в чугуне запаривала комбикорм, а они всей семьей его ели. Нужда! – вздохнула тяжело женщина и замолчала.

– Так и ваше житье-бытьё ненамного лучше было.

– Нет, мы всё же жили посправней. К тому моменту, когда я Котю встретила, мы перебрались в бабушкин дом. Она совсем старенькая стала, одной тяжело управляться было, воду из колодца носить и печку топить. Опять же дрова надо было к зиме готовить. Отец хоть и пил, но работал. Мать ра-

ботала и не пила, только вот после смерти отца начала баловаться. Жили скромно, но одеты-обуты все были, не голодали. Котя-Потя стал моим другом. Приходил каждый день. Ждал меня, когда вернусь из школы. Увидит из далека, бежит ко мне: «Мама-Света, идет!» С разбега ткнется в меня, ручками обхватит. «Дай, портфель понесу, помогу тебе». «Котя, он тяжелый», – скажу ему. «Все равно дай, я сильный!» Возьмется за ручку, шага два сделает и все – силенки кончились. Я ему предлагаю: «Давай вместе понесем, мы же друзья, должны всё делать поровну». Такой мальчик был добрый! Придём домой, он пальтишко сбросит и за стол. Покушаем и начинаем чай пить. Чай он пил так: нальет немного в блюдце, глоточек сделает и ещё дольет, сахарок в рот положит и перекатывает его за щекой, пока всю чашку не выпьет. Экономил. Так вот, пока пьет чай, начинает его в сон клонить. Но терпит, а как выпьет весь чай, положит головушку на стол и засопит. Я его на руках отнесу на диван, уложу, укрою. Он спит, я уроки делаю. А как проснется, то я ему: «Ну Котя-Потя, давай чай пить». «Давай», – отвечает и бегом к столу. Дружба наша недолго продлилась. Бывает так, что уже зиме конец, весна на дворе и вдруг последние морозы ударят. Как случилось, что Котя-Потя обморозился, я не знаю. Рассказали мне об этом через несколько дней после того, как он неожиданно перестал приходить к нам. Сказали, что увезли его в больницу. Когда Котя-Потя поправился, определили его в детский дом. Другие дети из их семьи – его

братья и сестры, а их было шесть человек, тоже оказались в детском доме. Родителей Коти, горьких пьяниц, лишили прав на детей, и даже было какое-то разбирательство, но я по молодости лет не вникала в детали. Очень скучала по Коте. Думала, вырасту и заберу его из детдома. Со временем чувство тоски приутихло, и уже я не думала о нём, лишь иногда нахлынут воспоминания, но это скорее были воспоминания о моей жизни, а не конкретно о Коте.

Человек не перебивал женщину и не задавал вопросов, его внимательный взгляд был устремлен на пару лебедей, которые всё также скользили по воде пруда напротив скамейки.

– В тот злополучный вечер, Светлана Николаевна, Котя-Потя, как вы его называете, убежал из дому. Пьяные родители устроили драку, отец схватился за нож. Костя сунул голые ножки в те самые изношенные валенки, накинул худое пальтишко и без шапки со всех ног кинулся к вам. Был вечер. Слабыми ручками он пытался стучать в дверь, но у вас не было собаки, которая лаем привлекла бы внимание, а сила его кулачков была так мала, что он не наделал никакого шума. Когда он понял, что к вам не достучаться, то из последних сил побежал домой. Он очень замерз. На дороге его встретил случайный прохожий, отнес его в родительский дом, там уже вызвали скорую, увезли в больницу. Он долго болел, поправился, но самое страшное то, что Котя отморозил себе гениталии. Остался инвалидом. До тридцати лет не дожил, спился. Очень часто вас вспоминал. Напьётся и пла-

чет горькими слезами, маму-Свету вспоминает.

– Зачем вы мне это рассказали, зачем?

– Возьмите носовой платок. Затем, что вы сами этого хотели.

– Неправда, не хотела.

– Хотели. Вам сейчас стыдно за себя, но стыдиться не надо. Вашей вины нет. Вы оба были слабыми детьми, вот вас и тянуло друг к другу. Вы вообще по жизни слабый человек, но слабость не порок. Скорее это испытание. Зато вы обладаете редким качеством. Вы очень чувствительны к людям, воспринимаете события близко к сердцу, переживаете и жалеете, стремитесь помочь. А самое главное – помните. Сколько лет прошло, а то как вам мама свитер покупала не забыли. А как часто это воспоминание проливалось вашими слезами!

– Да, верно. Мне так было обидно за мать. Я даже мечтала, как отомстила бы за неё той тетке в платке. А когда мамы не стало, я как-то спросила сестёр, помнят ли они этот день? Нет, не помнили. У меня же этот день отложился в памяти навсегда.

– Четверг был базарным днём у нас в посёлке. Всю центральную площадь занимали машины, с которых продавали различные товары. В самом углу стоял фургон, задние двери которого были распахнуты, и получилось подобие комнаты, заставленной коробками. Продащица пихала в протянутые руки свёртки, брала деньги, давала сдачу. Около машины толпились женщины и требовали криком ту или иную

вещь. Шум стоял такой, что слышно было в начале базара. Оказалось, в автолавке продавали трикотаж. Мы с сёстрами отошли в сторонку, а мама втиснулась в толпу и пыталась пробиться к продавцу. Мама была невысокого росточка, её со всех сторон отталкивали, я видела, как оттянутая назад, она опять силилась пробиться вперед, наконец, продавец была уже недалеко, но мама преградила путь здоровенной бабище в платке, с повязанным узлом под подбородком. Своим круглым, красным лицом она очень походила на куклу, которую сажают на самовар. Она так рьяно прокладывала себе дорогу, что все просто расступались перед её натиском. Мама опередила её немного, и тогда тетка, которая была намного выше ростом, ударила маму по голове кулаком, при этом она что-то кричала, но услышать было трудно, такой стоял гвалт. На секунду мама отступила, но потом опять пробилась вперед и оказалась за широкой спиной самоварной куклы, та уже что-то покупала. Когда тетка в платке вынырнула из толпы, то в руках она держала несколько свертков, платок сбился на бок, и она громко материлась. Как мне хотелось подойти к ней и сказать, что она не права, что она не за что ударила мать. Мысленно я выговорила ей: «Как вам не стыдно? Разве можно бить человека из-за какой-то тряпки!». Я представляла, что после моих слов она искренне раскается, и на её лице появится виноватое выражение. Я стыдила её, подбирая хлесткие и обидные для неё слова, но на деле я струсила и ничего не сказала. Мама купила вещи, которые оказались

нам не по размеру. Мне – мохеровый свитер, меньше на два размера, чем был нужен. Так я и ходила в свитере с короткими рукавами. Старшей сестре – куртку, которую пришлось ушивать, так она была велика. Варе досталась кофточка на два размера больше. («Ну, большая не маленькая». – сказала мама). С базара мы возвращались молча, было неловко. Никто не радовался покупкам. Повзрослев, я поняла, что многие люди идут напролом, и не важно, стоит ли цель того, что ты какого-то огрел по голове, главное, чтобы её исполнить. Только я такая же как мама, не умею пробиваться кулаками.

– Подождите, Светлана Николаевна, ради справедливости добавлю, пусть не с помощью кулаков, но мама ваша пробилась к продавцу.

– Да, но сначала получила по мозгам.

– Может можно было обойтись без этих вещей?

– Вам легко говорить, пожилы бы вы в то время в нашей стране. Тогда просто так нужную вещь не купишь. Это сейчас есть деньги, купишь хоть черта лысого. Тогда товаров на всех не хватало.

– Понятно.

– Мы все как под копирку жили: поесть, попить, что-то купить, день прошёл и ладно. Вот я. Закончила школу. Учиться дальше негде. Надо было ехать в областной город, а как поедешь, без денег. Посёлок у нас небольшой, захолустье! До города почти двести километров. Кому-то удавалось вырваться, но большинство молодежи оставалось в поселке.

Врать не буду, работу всегда можно было найти. Какую работу, это вопрос десятый. Но найти было можно. А самое главное – нужно. Без работы ты тунеядец, а это статья. Получила я аттестат об окончании школы, а что дальше делать – не знаю. Мама говорит: «Погуляй лето, осенью я тебя к нам на молокозавод устрою». Но жизнь за меня приняла решение.

– Точно жизнь? Может сами сплеховали.

– Может и сама.

– Светлана Николаевна, а не пройтись ли нам. Приглашаю вас в «круглый» дом. По правде говоря, он совсем не круглый, а построен в форме восьмигранника. «Круглым» называю его только я, по своей прихоти, а не по существу. Я очень люблю бывать в нём, надеюсь, что и вам дом понравится.

Женщина с трудом поднялась со скамейки. Она тяжело передвигала распухшие ноги, но сделав несколько шагов, стала шагать увереннее, ноги начали слушаться её. Они долго шли с Человеком, а вокруг был всё тот же солнечный день и благоухание и буйство красок, но который сейчас час, и сколько времени они провели на скамейке у пруда, трудно было определить, потому что Светлане Николаевне казалось, что время замерло, и день плавно не становился вечером. И вообще день ли это или всё-таки утро, понять невозможно. Наконец, вдали показался «круглый» дом. Окна в доме были распахнуты настежь так же, как и дверь. Красивая веранда опоясывала дом, несколько широких и длинных ступеней служили началом пути для любого, кто поднимался по ним

и переступал порог круглого дома.

– Как вам нравится?

– Затежливо. – ответила женщина.

– Светлана Николаевна, самый главный сюрприз впереди.

Человек радушным жестом приглашает женщину войти внутрь дома, пропускает её вперед, а сам следует за ней.

– Прошу вас, любезная Светлана Николаевна, садитесь вот на этот стул.

Человек отодвинул массивный деревянный стул от стола и указал на него женщине. Она села, а Человек помог ей придвинуть стул ближе к столу.

–Замечательно. – очень довольным тоном сказал Человек.

– Я же сяду напротив вас.

Стол был большим, настолько большим, что за ним легко смогли бы разместиться гости шумной свадьбы в количестве пятидесяти человек. Они сидели за столом, полированная крышка которого была уставлена множеством блюд и тарелок белого цвета. На тарелках красиво разложены целые, нарезанные кубиками и дольками, очищенные от кожуры и в кожуре, фрукты широко известные и фрукты мало известные. Были на столе несколько тарелочек с фруктами совсем неизвестных в силу того, что деревья, на которых они созревали, произрастали в самой гуще тропических лесов. От разнообразия ароматов, которые распространяли чудесные плоды и ягоды кругом шла голова. От долгого рассматривания изобилия на столе начало рябить в глазах.

– Впечатляет? – задал вопрос Человек

– Рай пресветлый! – с восхищением воскликнула женщина.

– Согласен. Это угощение для вас. Не стесняйтесь, пробуйте, кушайте, наслаждайтесь.

Женщина взяла маленькую вилочку и насадила на её острие с тарелки, что ближе всех стояла к ней, кусочек белого фрукта, усеянного чёрными точками, словно просыпанный мак смешался с мякотью экзотического плода. Положив кусочек в рот и медленно прожевав его, женщина подумала: «Ничего особенного, сладко и пресно».

Человек не потчевал женщину, он не хотел смущать её и предоставил ей полную свободу действий. Однако всем своим видом Человек демонстрировал готовность оказать любую услугу за столом, а также вести приятную беседу с женщиной. Больше всего поразило Светлану Николаевну то, что сидел Человек достаточно далеко от неё, однако, когда он спрашивал, а она отвечала, то голос его звучал совсем рядом, будто они находились на расстоянии вытянутой руки друг от друга. Женщина подумала: «Как же так, он от меня далеко, а такое чувство, что я могу потрогать его рукой. Фокус какой-то!»

– Никаких фокусов! – тут же ответил Человек. Я же предупредал вас, что это круглый дом. Тут всё рядом на самом близком расстоянии. Мы пришли сюда для того, чтобы вам было спокойней рассказывать об очень важном для вас пе-

риоде жизни.

– Каком периоде?

– О вашем замужестве.

– Да. – ответила Светлана Николаевна. – Это действительно самое главное событие в моей жизни. Начну по порядку. Когда, наконец, я закончила школу и получила аттестат, радости моей не было предела, очень надоело мне учиться. Это был конец июня. Одноклассница предложила: «Давай в клуб на танцы сходим, уже можно, взрослые, заодно отметим окончание школы». Сказано – сделано. Нарядились в платья, те что на выпускной шили, и в субботу вечером отправились в клуб. Первый раз шли мы на танцы. Волновались. Купили билеты, прошли внутрь, а там... Женщина задумалась, подыскивая слово для характеристики происходящего.

– Что там?

– Столпотворение. Музыка грохочет, молодёжь прыгает на месте, тесно, душно. Мы с подружкой встали у стенки. Посмотрели на других, себя же показать стесняемся. «Давай выйдем, воздухом подышим». – предложила подружка. В холле девчонки и ребята кучками стоят, болтают, смеются. Мы же опять к стенке прилипли, совсем стушевались. Уже и домой решили идти, настроение упало, поняли, что делать нам тут нечего. Вдруг, слышу: «Девчонки, что стоим скучаем?». Высокий и худощавый парень смотрел на нас и нагло так ухмылялся. К нему ещё двое подошли, друзья видно, одного поля ягоды. Все трое выпивши. Не сильно, больше для

куража.

– Вы и это определили?

– Я дочь алкоголика, я по виду сразу скажу сколько выпил и когда.

– Редкий дар.

– Не дар это, а жизненный опыт. В общем, ребята ухмыляются, а нам с подружкой от этих ухмылок только хуже. Мы, ответили, что домой уже уходим. Они в ответ: «Вот те на! Такие девчонки хорошие и домой! Не пойдет. Приглашаем вас на танец». Пристали, чувствую, что не отделаться от них. «Ладно, – говорю, – пойдете танцевать». Подруге шепнула: «В толпе затеряемся и домой улизнем». Музыка веселая играла, все танцевали модный шейк.

– Не слышал о таком танце.

– Руками и ногами крутишь в разные стороны. – женщина, сидя за столом, начала ритмично водить руками то влево, то вправо, также делала ногами под столом. – Ну вот как-то так. Я не очень умею танцевать, и тогда не очень получалось. А этот с ухмылкой так и извивался около меня, и тут почувствовала я толчок пониже спины, а краем глаза заметила, как он меня коленкой под зад тихонько пнул. Я смутилась, но виду не показала, а он как ни в чем не бывало, улыбается, танцует. Медленный танец объявили, парень хватить меня в охапку. Стоим мы с ним на месте, с ноги на ногу перекатываемся, неловко мне, первый раз со взрослым парнем в обнимку танцую. Но честно, понравилось. Руки мои у парня на

плечах лежали, ткань у рубашки тонкая, чувствую плечи его широкие, мускулистые, горячие. Держит меня за талию нежно, не наглеет. – Женщина глубоко вздохнула. – Остались мы с подругой танцевать. Она с Олегом, а я с Игорем.

– Светлана Николаевна, Игорь-то вас не просто так толкнул. Для него это вроде теста было. Если девушка с гонором, то уходила, а если делала вид, что не заметила, значит покладистая. Он в свои тридцать два года на танцы каждые выходные ходил только с одной целью – познакомиться с дамой и взаимности от неё добиться. Любил он женский пол.

– Да, я узнала об этом позже, и что два раза женат был, и что двое детей у него. После танцев он меня провожать домой вызвался. Вечер теплый. Молодежь гуляет парочками. Игорь мне предложил пройтись. Я согласилась. Разговор у нас с ним не клеился, я больше помалкивала, да и он не знал, о чём со мной говорить. Спросит что-то, я отвечу. Помолчим, опять вопрос задаст. Короче, не получалось у нас приятной беседы. И вдруг мне кто-то в ухо шепнул: «Выйдешь за него замуж». А у меня, знаете, с детства эта особенность. Я будто голос чей-то слышу. Помню первый раз как это произошло, зашла за Таней, хотела позвать её играть. В дверь постучала, дядя Витя открыл. Смотрит пьяными глазами: «Таньки дома нет, но скоро придёт. Ты заходи, подожди, нечего в коридоре стоять». Тогда я и услышала голос, внятно сказал он мне: «Беги!». Я со всех ног в свою комнату и припустила. Потом еще несколько раз слышала его.

Всегда голос этот предупреждал о чем-нибудь, вот и в тот вечер напороочил. Ладно, рассказываю дальше. Незаметно весь поселок насквозь прошли. Перед нами лес. Привёл он меня на поляну. «Мы, – говорит, – здесь с ребятами отдыхаем иногда». Усадил меня на бревно, а сам веток принёс и костерок развёл. Сидим и друг на друга смотрим, сумрачно вокруг, а свет от костра полянку освещает, так уютно, так хорошо. Я думаю, а он парень-то неплохой. Ох, и красивый. Что он во мне нашёл? Решила позабавить его рассказом, но ни одной умной мысли в голове. Посидели ещё немного, а потом он предложил: «Пойдем, я тебя домой провожу, а твои родители волноваться будут». К дому подошли, он сухо попрощался и, насвистывая себе под нос, исчез в темноте. Вижу только огонек вспыхнул – закурил значит. Он ушёл, а я осталась.

Светлана Николаевна вздохнула, взяла в руку, стоявшую перед ней тарелочку, привычным жестом провела по столу, стряхивая невидимые крошки, и поставила тарелку на место.

– Чем он вас, Светлана Николаевна, зацепил?

– Я была очень стеснительная. С парнями не гуляла, все вечера дома сидела. А тут взрослый и симпатичный парень проявил ко мне интерес. Да много ли глупой девчонке надо, чтобы влюбиться? Самое главное – увидела я в его глазах искорку. Бывало смотрю на него, его самого и не вижу, лишь бы глаза Игоря передо мной были, а в них отблеск от того костра на полянке. Говорят, летела как бабочка на свет. Это

про меня.

– Мне кажется, вы немного идеализируете Игоря.

– Да, скорее всего, но я эту искорку видела всегда, и когда во взгляде у Игоря злость была, и когда радость, и когда пьяный он был, и когда стал он скатываться всё ниже и ниже, даже у похмельного в потухшем взгляде, я её видела. Вы спрашиваете, чем зацепил меня? Отвечу – я как будто тень его стала. Всегда за спиной, всегда рядом.

За все те годы, что прожили мы с ним вместе, не было и дня, чтобы в душе у меня был покой. Ждала, что бросит меня, что уйдет к другой. Ждала и дождалась.

Женщина вытирает набежавшую слезу, она не смотрит на Человека. Она не видит того, что происходит в комнате, потому что измученное лицо её опущено вниз.

– Когда мы с Игорем встретились в следующий раз, я уже бредила им.

– Бредили? Так сильно влюбились?

– Голову потеряла, как с ума сошла. Дня через два случайно увидела его на улице. В жар бросило, сердце колотится, слово сказать не могу. Предложил он мне вечером погулять. Согласилась. Еле вечера дождалась. Как в лихорадке была. Наконец, вышла из дома. Иду тихо, не торопясь. Пришла к скамейке, где он мне встречу назначил, а его там и нет. села на скамейку. Встала, прошлась, нет его. Опоздал он минут на десять, а для меня они как вечность тянулись. Стоит передо мной весёлый, глаза горят. Почувствовала, что опять

выпивши. Стали мы с Игорем встречаться. Я день хожу как во сне, вечера жду. Увижу его – хоть плачь. Вот думаю, скоро расстанемся. В общем, пропала я.

– Да, первая любовь.

– Первая, вы правильно сказали. Игорь был первым и единственным для меня всю жизнь. Как-то утром меня вырвало от одного только вида яичницы.

– Понятно.

– И мне стало понятно. Поплакала и решила, что не хочу я ребенка. Дура была, ох, какая же дура! Начала я ноги парить в горчице. Не помогает. Вспомнила, как девчонки говорили, что помочь в этом деле может высота, надо прыгать. Приставлю лестницу к стене, заберусь на верхнюю ступеньку и прыг вниз. Опять моим пяткам досталось, не обварила, так отбила. С Игорем встречусь, молчу, думаю вдруг получится избавиться от ребенка, зачем ему говорить тогда. К середине августа уже подходит, я есть не могу, тошнит постоянно. Испугалась, что мать заметит, скандал будет. Как-то вечером на той самой полянке стал он приставать ко мне с ласками, я не выдержала и призналась, что беременна. Он переменялся сразу, насупился, смотрит в сторону. «Доигрались». – говорит. Я голову опустила, глаза не поднимаю на него, боюсь, что уйдет. Он спросил: «Пробовала избавиться от ребенка?» Я заплакала. «Пробовала, – говорю, – не получается». Он подумал и предложил мне: «Ложись на землю, согнись я тебя в живот ногой ударю, потерпишь, зато наверняка получится.»

– Вы согласились?

– Нет. Я ведь не зверь! Так мне стало стыдно, что я своё дитя усердно стараюсь убить, что развернулась и домой пошла. Игорь остался. Дома матери все рассказала. Она сразу вопрос мне:

– С кем спуталась?

– С Игорем Беловым. – отвечаю.

Ох, как же она меня ругала, как только не называла.

– Нашла с кем, идиотка! Он же непутевый, и пьёт и бьёт и бабник известный, жизнь себе сломала, сама ещё ребенок, семнадцать годков всего, ему-то что, потешился и «гуляй Ва-ся».

– Неправда, – говорю.

– Да он с первой женой развелся только потому, что руку на неё поднимал.

– Неправда.

– Правда, вот попробуешь на себе его кулаки, тогда пове-ришь.

Я плачу, мать плачет. К тому времени остались мы с ней вдвоём. Отца похоронили, сёстры замуж вышли. Игорь о себе знать не даёт. Несколько дней прошло. Однажды вече-ром раздаётся стук в дверь. Заходит. Встал у порога, молчит. Мать спрашивает:

– Зачем пожаловал?

– Жениться хочу на Светке, если она согласна.

–Согласна, – отвечает мать, – можешь не сомневаться.

– Светлана Николаевна, мама ваша ходила к Игорю. Припугнула: «Если не женишься, сядешь, Светка несовершеннолетняя».

– Честно, не знала. Всегда думала, что он сам по доброй воле на мне женился.

– Да, так и было. Он относился к вам хорошо, не любил конечно, но вы ему нравились. Подумал, что будет жена молодая, семья. Жизнь как-то наладится.

– А я всё гадала, почему Игорь так не ладил с матерью, значит простить ей не мог. Жили-то мы в доме моих родителей. Поначалу всё хорошо было. Родился Серёжка четыре килограмма весом и на Игоря очень похожий. Я у сыночка прощение всё просила за то, что извести его хотела. Души в ребёночке не чаяла. Игорь в те года работал шофёром, зарабатывал хорошо, даже после выплаты алиментов хорошую получку домой приносил. У него дочери в тех семьях были, а тут сынок родился. Звал он его Богатырём. Схватит на руки, вертит и подкидывает, а Серёженька заливается смехом. Через два года родилась Верочка. И как-то незаметно семейная жизнь под откос пошла. Однажды увидела я, как Игорь таясь выходит от соседки. Валентина разведенкой была. Женщина видная, постарше меня. Бойкая такая, громкоголосая. Догадалась я, зачем Игорь к ней ходил. Ему виду не показываю, а сама изнутри горю. Сказать не могу, верите – стыдно. Думаю, зачем унижаться, не пойман – не вор. Сам же не признается. Я из тихой стала тишайшей. Глаз на него не поднимаю,

всё молчком делаю. Чувствую, что безразлична ему. Спасли меня дети, заботы о них, хозяйство. Тяжело было с ребяташками, а тут ещё мысль об измене покою не дает. Довела себя до изнеможения. Под глазами черно, исхудала, от постоянного недосыпа меня качало из стороны в сторону. А ему всё трын-трава. Придёт с работы позже часа на два, а я и не спрашиваю, где был. Когда соврёт что-нибудь, когда и объяснять поленился. Что у них с Валентиной происходило не знаю, но стал мой муж очень раздражительный. Всё ему не так и не эдак. Ко мне по пустякам цепляется, на детей голос повышает. Дальше – больше. Стал Игорь сильно выпивать. Я терпела, что толку ругаться, детей пугать скандалами. Потом узнала, что любовь его замуж вышла. Обрадовалась, что пришёл конец моим горестям. Как бы не так! Запил у меня муженёк, как с катушек слетел. Работу пришлось Игорю сменить, кто посадит его за баранку, если он с похмелья каждый день. Я не упрекала Игоря. Жалко мне его было. Чувствую, что мучается. Прошло какое-то время и постепенно стал он успокаиваться. Свекровка с матерью его уму разуму учили. Он слушал, не огрызался. Пить стал меньше. Устроился работать на молокозавод. У нас в поселке тогда еще работал молокозавод, в девяностые годы обанкротился. Денег не хватало. Зарплата у него небольшая была, алименты высчитают и остался гулькин нос. Он из улыбчивого парня превратился в озлобленного мужика. Симпатичное лицо от пьянок огрубело. Заблестели волосы на голове. Стройное тело отяжеле-

ло, плечи согнулись. Понимаю, что не радуется ему ничего вокруг. Страх напал на меня, заскучал Игорь, значит начнет искать себе новые приключения. Придет вечером с работы, а я и принохиваюсь к нему и приглядываюсь, и карманы потихоньку проверяю. Сейчас рассказываю вам и ловлю себя на мысли, что двенадцать лет жизни – это много часов, дней и месяцев. Они идут своим чередом, друг за другом, запоминаются моменты и радостные, и грустные, что-то забывается, что-то не хочется вспоминать. Но вот пришлось мне рассказывать о той поре моей жизни, а рассказывать почти нечего. Жили-тужили и умерли не в один день.

– Хорошо это вы сказали, Светлана Николаевна. Действительно, захватывающего рассказа о вашей совместной жизни с Игорем не получилось. Однако вы сказали, что прожили с ним всего двенадцать лет. Почему расстались?

– А то вы не знаете?

– Знаю, хочу от вас услышать.

– Умер Игорь. Замёрз насмерть.

– Светлана Николаевна, когда Игорь вышел на крыльцо и попал из теплого помещения на мороз, когда у него закружилась голова, и, поскользнувшись на пороге, пролетел по всем ступенькам вниз, тогда глупая улыбка и последняя глупая мысль в его жизни подвела итог земного существования.

– Что же эта была за мысль?

– Дословно: «Вот бы Светка смеялась, если бы увидела, как я с крыльца...» Дальше не могу продолжать, ибо здесь

категорически запрещена нецензурная брань.

– Зачем Игорь на улицу-то выходил? Курил он всегда дома.

– Ответ простой. Любил он мочиться с крыльца. Развлечение у него такое было. В тот вечер он сильно выпил. Вы ушли спать, от него же сон бежал, впрочем, как и от большинства выпивох. Уже после полуночи решил сделать вылазку на улицу, свалился с крыльца, потерял сознание. Всё, конец жизненного пути.

– Не хорошо, как вы про него говорите, как будто с издевкой. А ведь помер молодой ещё человек. Сорок с небольшим лет всего и было ему. Жить ещё и жить.

– Светлана Николаевна, голубушка, да разве я с осуждением про его смерть говорю? Я осуждаю его отношение к жизни. Так бестолково прожигать время, так равнодушно относиться к самому дорогому, что есть у человека. Ни к чему не стремиться, ни чему не учиться, в конце концов, никого не любить. Чего он добился в жизни? Что оставил после себя?

– А что все оставляют? Не всем же открытия делать? Книжки писать? Что по-вашему, обычные люди оставляют после себя? Детей, память о себе. Вот Игорь может и непутевый был, согласна. Я сама его осуждала за пьянку и разгильдяйство, но я его не забыла! Помню каждый день, прожитый с ним, простила все обиды, всё плохое, что было между нами. Как тяжело я с ним расставалась. Горевала как! Помню, гроб с телом Игоря стоял в комнате, лицо покрывом закрыто.

А я как зайду в комнату увижу гробину и дух из меня вон. Женщины в чувство меня приведут и так до следующего раза. Обычай в посёлке был – три дня должен покойник в доме пробыть, а потом уже на погост. Тяжкие эти дни для меня как секунда пролетели. Мысль всё билась в голове, что жив Игорь. Кинусь в комнату, а там он мёртвый.

Спать не могла, есть не могла. Лицо у меня одеревенело, руки распухли. Как на кладбище очутилась, плохо помню. Подвели меня к гробу проститься, лежит Игорь, губы синие, лицо чужое, я так и повалилась на него, а он каменный, холодный! Пришла в себя в автобусе, меня туда унесли в обмороке, я не видела, как крышку забили, как гроб в могилу опустили, горсть земли на могилку не бросила.

Голос Светланы Николаевны срывался, казалось, что она рассказывает не о далёком прошлом, а о событии, которое произошло недавно и было очень мучительно для неё. Перемены произошли не только с женщиной, богатое разнообразие стола поблекло и стало неуместным. Показалось даже, что ветер сильнее затрепетал занавесами на окнах, и легкая тень пробежала по потолку и стенам комнаты. Человек не успокаивал женщину и не выказывал ей сочувствия. Он ждал.

Наконец женщина подняла голову, устремила рассеянный взгляд на стол, и, взяв вилочку, поддела спелую и душистую клубничку, но положила её на тарелочку и оставила нетронутой.

– Светлана Николаевна, честь и хвала вам за такое трепетное отношение к памяти мужа, но неужели вы потом так и не встретили мужчину.

– Что значит не встретила? Каждый день встречала. Думаете, мужик – это такая редкость.

– Я имел виду мужчину для создания семьи.

– Зачем? Кому мои дети нужны были, кроме меня.

– Ну хорошо, не замуж, так для здоровья?

– Здоровья говорите? Мне это здоровье боком вышло. Антонина меня побила и опозорила на весь посёлок.

– За какие заслуги вам досталось от Антонины.

– За дело била, за мужика своего. Я, когда дети подросли, работать пошла в райпо секретарём. Зарплата не высокая, так у меня и образование только десять классов. Начальницей у меня была Ольга Матвеевна, хорошая женщина, жалостливая, Игоря моего она хорошо знала, поэтому понимала, как мне не сладко. Когда она на пенсию ушла, было это на третий год моего вдовства, назначили нам Семёна Семёновича. Мужичок неказистый, разменявший пятый десяток. Начал он издали потихоньку да помаленьку, а потом уже и всерьёз стал около меня увиваться. Чувствую к чему клонит. Да только я и смотреть на него как на мужика не могла. После Игоря мне все уродами казались. Крутится он возле меня так и эдак, а я не улыбнулась ему ни разу. Его моё равнодушие ещё больше распаляет. Однажды говорит, что надо в город съездить по делам и моё присутствие необходимо. Поехали

на его «Жигулях» рано поутру. В городе все дела сделали, возвращаемся домой молча. Я в окно гляжу, он на дороге. Не доезжая до поселка, свернул он в лесок. Машину остановил и начал мне в любви объясняться. Так мол и так, измучился. Сам чуть не плачет. Клятвой клянусь, говорит, что отказ твой не переживу, или что сделаю с собой, или сердце у меня откажет. Так я тебя люблю. А сам ближе и ближе ко мне, я молчу, значит согласна, он так решил. Я и вправду как онемела, не то что согласна была, скорее оторопь на меня от его слов нашла. Игорь мне таких слов никогда не говорил. Короче, уступила я ему. Повошkolся он на мне, потом откинулся на свое сиденье и уснул. Смотрю на него, рот приоткрыт. Губа нижняя повисла, похрапывает. Я немного подождала, толкнула его легонько в плечо: «Семён Семёнович, ехать надо». Он глаза открыл, не поймет, спросонья, где он. «Это так бывает, Светочка, мужчина может уснуть от пережитого удовольствия». Я про себя думаю: «Не от удовольствия, а от старости». Зачем я с ним встречаться стала, до сих пор не пойму. И не нравился он мне, ни радости, ни удовольствия я с ним не получала. Так, одна морока. Как-то в обеденный перерыв, предлагает он мне до соседнего леска прокатиться. Мне бы отказаться, так не хотелось ехать, да Семён Семёнович пристал как пиявка. Уступила. Он первый к машине пошел, я следом. Пальтишко накинула – на улице конец октября, уже заморозки первые, выхожу на крыльцо, спустилась и несколько шагов сделала, как меня кто-то

в спину толкнул, да так сильно, что я упала, прямо в грязь лицом. Вижу мельком, что ноги женские в сапогах. Слышу крик истошный, матерится, за мужика своего кричит, мол, голову тебе оторву. На спину мне уселась, за волосы схватила и давай меня лицом в землю тыкать, да так больно. Я же выбраться не могу из-под её тяжести. И не ожидала я такого поворота событий, уже задохаться начала. Наконец стащили её с меня, а я подняться не могу. Лицо она мне разбила сильно, в грязи вся испачкалась. Сотрудники конторы в окна смотрят, смеются. А кавалер мой, как только заварушка началась, брык в машину и был таков. Пришлось мне уволиться. Синяки зажили, позор остался. Но жить дальше надо. Моя знакомая магазинчик держала. Продавцы у неё никак не приживались, то пьют, то воруют, а то и пьют и воруют. Уговорила Татьяна меня к ней устроиться на работу продавцом. Сначала тяжело было, потом привыкла. Магазин маленький, торговый зал – два прилавка да подсобка небольшая. Торговала я продуктами, пиво было, водка, вина, так всего помаленьку. Покупателей немного. Плохо только, что рабочий день длинный, выходной один, и платила мало, зато каждый день. Просроченные продукты брать разрешала. К праздникам премии давала, не деньгами, а продуктами. Когда дети выросли и разъехались, то такая работа меня ещё больше устраивать стала. Что дома одной делать? Зато в выходной порядок наведу, полы намою, пирогов напеку. Рай пресветлый! Вот так и жила... до недавних пор.

– То есть на этом ваш рассказ закончен?

– Да. Обычная жизнь. Я ведь не заметила, как состарилась.

– Вы сказали, что ваши дети разъехались?

– Да, Верочка уехала после школы учиться в областной город. Там у меня сестра старшая живет, взяла она Верочку к себе на постой. Спасибо ей, помогла она мне дочку на ноги поставить. Закончила доченька институт, работает учителем начальных классов. Вышла замуж очень удачно за хорошего парня. Родила детей, у неё две девочки-погодки. А сын и того лучше устроился, живет в Германии. Поехал шутя, попробовать, а остался там надолго, может и навсегда. Женился на немке. Парень он работающий, машины ремонтирует. Руки у него золотые. Ценят его там, да и с немкой, её знаете, как соседскую корову – Мартой зовут, у него мир да любовь. Только вот как уехал он в эту Германию, больше ни разу я его и не видела. Звонит по праздникам, обещает приехать. Но говорит, что очень дорого дорога обойдется, мы здесь в Германии деньги зря на ветер не бросаем, живём экономно. Ты не волнуйся, у меня все «гут». И как звонит, так почитай на каждом слове у него это «гут», что значит оно я не знаю, а спросить неловко.

– Это значит Светлана Николаевна, хорошо.

– Ну вот и хорошо, что хорошо. – улыбается женщина.

– На этом всё, не хотите больше рассказывать?

– Почему не хочу, не о чём. Вы, наверное, думаете, что у

меня не жизнь была, а сказка-сказочная.

– Думаю, что не была. Но про Бабетту-то расскажите?

– Я не знаю, что это было, правда или сон.

– Правда или сон? Помните мы с вами про прошлое говорили и про то, что происходит иногда с человеком такое, что трудно определить было это событие в действительности или это полет фантазии.

– Помню. Хорошо, давайте уйдем отсюда, и я вам расскажу про Бабетту.

– Куда же нам уйти?

– По улице походим.

Человек помог женщине подняться из-за стола. Он галантно предложил ей свою руку, и они вышли из комнаты. Их встретил всё тот же солнечный день, всё то же благоухание цветов и щебет птиц, разлитый вокруг покой и буйство растительности. Кроны деревьев переливались всеми оттенками зелени, нежная изумрудная трава ковром устилала землю, тропинка вилась вдаль среди этого живописного ландшафта, только кто протоптал её, сколько пар ног прошло по этой благодатной земле, пока появилась эта неширокая тропа, рассчитанная на двух человек, идущих рядом друг с другом, и может быть держащихся за руки?

– Я расскажу вам про Бабетту, но предупреждаю, что я не уверена в том, что это было со мной на самом деле.

– Слушаю вас, любезная Светлана Николаевна, с большим вниманием. Вы меня заинтриговали.

Часть вторая

Рассказ Бабетты

Начну с того момента, как я оказалась в лесу. Моя школьная подружка, та с которой мы ходили на танцы в клуб, где познакомились с Олегом и Игорем, и вышли потом за них замуж, позвала меня за грибами. Каждый год мы ездили в лес за боровиками, всегда в одно и то же место, примерно в одно и то же время в середине сентября, когда последний слой белых грибов позволял нам сделать заготовки на зиму в виде маринованных грибочков, а в новогодние праздники угощаться ими под звон курантов. Сосновый лес, где мы собирали грибы, был от поселка недалеко, но сам бор тянулся на десятки километров и заканчивался непроходимыми болотами. В общем, места глухие. Поэтому собирали мы грибы недалеко от дороги, в глубь леса не уходили, заблудиться можно было легко. Воскресный день выдался пасмурным, временами накрапывал дождь, но мы решили ехать, погода грибная, влажно, сыро. Надеялись на хороший урожай. Так оно и получилось. Тося с Олегом пошли по правой стороне от дороги, а я по левой. Каждую кочку я знала, каждую сосенку помнила, от дороги больше трех-пяти метров не уходила. Всегда не уходила, но в тот день на меня нашло ка-

кое-то помутнение. Головы поднять не могу, столько грибов, дух захватывает! Срежу один, глядь, а впереди ещё. Шляпки у них красные, на зелёном мху как фонарики горят, манят меня. Я уже не замечаю, что промокла, что руки у меня замёрзли. Тороплюсь, платок на голове поправить некогда. От гриба к грибу шагаю и радуюсь, как ребенок! Вот спасибо тебе старичок-лесовичок! Я обычно, когда за грибами иду, так приговариваю: «Старичок-лесовичок! Помоги найти грибок». Так увлеклась, что не сразу заметила места-то незнакомые, кочки появились болотные. Я кричать начала, Тосю звать. Никто не откликается. Тишина вокруг, только верхушки у сосен шумят. Мрачно, дождь усилился, я кричу, а эхо отзывается так, что не могу понять откуда мой собственный крик назад возвращается. Думаю, «Я же с этой стороны шла, вот коряга, вот шляпка от поганки, я ее ногой сбила, значит идти надо в эту же сторону». Иду дальше, чувствую ноги у меня вязнуть стали во мху. Мама моя дорогая, да я в болото зашла. Вот тут напал на меня страх! Развернулась и назад побежала. «Бегу» громко сказано. Ковыляю с кочки на кочку, чувствую, что не туда иду. Больно уж лес поменялся. Сосны пропали, березки чахлые пошли, одним словом ушла я в гнилое болото. Паника – плохой советчик, начала я метаться, то в одну сторону кинусь, то в другую, куда идти не знаю. Потом остановилась, прислушалась, ни звука. Всё – заблудилась. Глаза закрыла, начала молиться. Решила так, пойду обратно, точно по своим следам, если, ко-

нечно, смогу их найти. Потом как будто подсказал мне кто, бросай на землю грибы, тогда точно уже на прежнее место не вернёшься, если начнёшь ходить по кругу. Слабость меня сковала, ноги как ватные стали, и вдруг мысль как молния в меня ударила: «Это я к смерти своей иду». Так я испугалась, что бросила корзинку и из последних сил побежала дороги не разбирая, упала несколько раз, промокла вся до нитки и вдруг вижу впереди на коряге кто-то сидит, а я уже и кричать не могу, голос сорвала. Обрадовалась, откуда-то силы взялись, подхожу ближе – старик сидит. Смотрит на меня удивленно. Говорю ему:

– Дедушка, родненький, я заблудилась. Уже и выбраться не думала.

А он мне:

– Да, здесь заблудиться не мудрено, места глухие. Я местный житель, каждую кочку знаю. Садись, посиди дух переведи.

Села я рядом с ним на корягу, трясёт меня, замёрзла.

– Откуда пришла-то. – спрашивает меня. Я сказала.

– Ого, – говорит, далече тебя занесло. Это почитай километров десять ты в сторону ушла. Да только не страшно. Деревня Хомутиха рядом, я с тех мест. Придешь в деревню, там Витька в крайнем доме живет, он тебя живо на своем драндулете доставит к твоим друзьям, поди ведь ищут, с ног сбились.

– Вы, дедушка тоже грибы собираете?

– Зачем они мне, любезная моя, сдались. – отвечает. – Моцион у меня такой. Гуляю по лесу каждый день. Привычка. Не могу без лесного духа жить. Задыхаюсь. Это вам молодежи не понять.

– Какая же, дедушка, я молодежь. На шестой десяток перевалило. Вот если бы вернуть все назад, лет на сорок, тогда да – молодежь.

– А что, – говорит, – согласилась бы?

– Да кто бы не согласился!

– А если бы сказали, что вот опять тебе восемнадцать, но только с условием, что через месяц распрощаешься ты со светом белым.

– Эх, дедушка, я бы согласилась, да только если уж восемнадцать, то прибавь к этому, что и красавица. Гулять так гулять.

Сидим с дедом смеёмся, шутим.

– Да ты, – говорит дед, – и так женщина видная!

– Это с твоего стариковского взгляда, а так какая из меня красавица, смолоду не была, а под старость так и совсем подурнела.

– Ладно, не жалуйся. Всё у тебя хорошо будет. Ты иди, дорогая моя, по этой стороне, видишь сосна корявая стоит, как дойдешь до неё, иди всё прямо, никуда не сворачивай, на дорогу выйдешь.

– Давай, – говорю, – вместе. Боюсь я опять заблудиться.

– Ноги у меня болят, прытко ходить как ты не могу. Я

немного посижу и следом за тобой, иди не бойся. Мокрая вся, заболеешь. Топай, я следом.

Дошла я до кривой сосны, кричу:

– Дедушка, ты идешь? Я боюсь дальше одна, вдруг с пути собьюсь.

Слышу отвечает он мне:

– Иди, не бойся, уже не заплутаешь, да и я тебя скоро нагоню.

Пошла оглядываясь, чтобы деда из виду не терять. Мох сухой и плотный под ногами расстилается ковром, ну думаю, болото закончилось. Шагу я прибавила, заторопилась – просвет впереди. Дождь перестал, и солнце проглядывает. Смотрю – дорога передо мной. Дорога не лесная, асфальтом укрытая. Машина стоит на обочине импортная, тёмная, огнём горит, переливается. Возле машины, женщина моих лет курит. Увидела меня, сигарету бросила и сердито говорит:

– Ничего себе в кустики пошла, я уже искать тебя хотела идти.

Я опешила:

– Это вы мне?

– Кому же ещё, я только одну лосиху вижу.

Выругалась, открыла мне дверь и показывает – садись. Села и никак сообразить не могу, точно ли со мной всё происходит.

Тётка брови нахмурила, недовольная, на меня не смотрит. Чувствую, что злится. Уже ругаю себя, зачем к незнакомому

человеку в машину села.

– Не нравится мне твое имя, Светка. Скажи, что зовут тебя Бабетта. Так принято, что у девочек псевдонимы, редко кто себя настоящим именем называет.

– Что молчишь-то, не подходит Бабетта?

– Я не слышала такое имя.

– Вот деревня дремучая! Ничем-то вы молодёжь не интересуетесь! Фильм французский смотрела «Бабетта идёт на войну?»»

– Нет.

– В главной роли в этом фильме играет Брижит Бардо. Это её первая роль. Ты на неё очень похожа. Повезло тебе.

Тетка посмотрела на меня и усмехнулась:

– Знаешь, кто такая Брижит Бордо?

– Знаю. – тихо говорю я.

– Врать не хорошо. Возьми телефон, загугли.

– Что, – говорю, – сделать?

– У тебя телефон есть? Вы же без телефона не можете жить, так и тормозите его с утра до вечера.

Телефон был, в кармане куртки лежал. Я руку в карман, а кармана-то нет. И тогда до меня начинает доходить, что на мне нет ни куртки, ни сапог резиновых, а самое главное, что платка на голове я не чувствую. Взгляд опускаю на ноги и ужас – не мои ноги, худые и длинные, джинсами обтянуты, кофточка светлая на мне. Смотрю на руки – ладошки нежные, ни мозольки на них, ни трещинки, пальчики тонкие,

ноготки розовые. Чувствую я легкость во всем теле, ничего у меня не болит, ноги не ломит, глаза хорошо видят. Замечаю, как длинные волосы пшеничного цвета лежат у меня на плечах, спускаются вниз и доходят до талии, до такой тонкой талии, которой у меня даже и в молодые годы не было. Я ли это? Чертовщина какая-то!

– Ты что телефон в лесу потеряла? – сердито спрашивает меня тетка, – предупреждаю – возвращаться за ним не буду. Нам ещё часа два ехать до места.

Я помалкиваю. Мысли вихрем у меня в голове проносятся: «Эге, – думаю, – мне и правда восемнадцать лет, судя по всему, и красавица я, если похожа на эту Бабетту, и соображаю так быстро, что для меня совсем не характерно. Я же как трактор тарыхчу, пока до чего-нибудь додумаюсь».

Обрадовалась, возликовала, просто чуть с ума не сошла! Вот счастье мне привалило, поживу теперь. Это же просто чудо-чудное! Повезло.

Машина едет быстро, плавно. За окном деревни мелькают, потом дома кирпичные пошли, значит к городу подъезжаем. Впереди вижу указатель – Москва. Как же я мечтала попасть в Москву! Погулять по улицам, сходить в театр. Только для меня поездка в Москву равносильна полету на Марс. И вдруг мечта моя сбывается! Ещё одно чудо. Знаете, я ведь даже не испугалась, не озадачилась, что же произошло со мной. Может дальше только хуже будет. Не почувствовала никакой опасности. И всё потихоньку себя взглядом окиды-

ваю. И так я нравлюсь себе, что слов нет передать мои чувства. Въехали мы с тёткой в Москву. Я по сторонам глазаю, от всего увиденного в восторг прихожу. Наконец подъехали к дому, сколько этажей было в нём и судить не берусь. Высокий! Поднялись на лифте, а я, признаться стыдно, ни разу в жизни на лифте не ездила. Вы меня осуждать будете, как же так ты жизнь прожила, что нигде не бывала и ничего не видала? Да. Так вот и прожила. Но теперь то я в Москве, и радости моей нет предела. А когда зашли в квартиру, то я чуть рассудком не тронулась. Давайте я вам, подробно все расскажу. Жалко только, что не знаю я вашего имени-отчества! Не удобно мне так с вами разговаривать. Ну, да ладно! Так вот, оказались мы с тёткой в квартире. Сразу как зашли, попали в большую комнату, она же и прихожей была, и кухней, и залой. Комната эта больше всего моего дома, входная дверь тяжёлая и с внутренней стороны большое зеркало во всю длину двери как-то закреплено, может даже и приклеено было. Очень мне понравилась такая идея, удобно, уходишь из дома и всю себя с головы до ног видишь. Ну, о том, что мебель кругом богатая стояла и говорить не стоит, окна в комнате большие, занавески белые тонкие, прозрачные складками свисают, очень красиво. Тётка меня завела в квартиру и говорит:

– Садись, я тебе скажу словечко и по делам уеду, и так с тобой столько времени потеряла. Скоро к тебе приедет девушка, Радой зовут. Проведёт инструктаж, понятно?

– Понятно. – говорю и улыбаюсь.

– Может у тебя вопросы есть?

Головой мотаю и снова улыбаюсь.

– Вот дура деревенская, чему радуешься-то? Хотя, наверное, если бы я из той дыры, в которой ты жила, выбралась, тоже бы радовалась.

Сказала и сверху меня по голове пальцами щёлкнула, очень у неё пренебрежительно это вышло, развернулась и ушла, хлопнув дверью. Я же макушку потеряла и начала осмотр квартиры. Оказалось, в квартире есть ещё спальня, а в спальне комнатка небольшая, для одежды, у нас такие в поселке называли чуланом, а потом нашла то, что потрясло меня, и к чему я долго не могла привыкнуть. Это ванная и, простите меня за подробности, туалет. Всё в ванной было красивым, чистым и душистым. Разные пузырьки, баночки, скляночки, белые мохнатые полотенца, коврики такой белизны, что и наступать на них было страшно. Но главным чудом был унитаз. Вот, вы сейчас улыбаетесь, а зря. Представьте себе, что всю свою жизнь я не знала другого туалета, как дырка в полу в будке на улице. В любую погоду до неё надо было добраться. Ну и внутри удобств никаких. Про запах я уже и говорить не буду.

А здесь стоит белый, блестящий агрегат. Я крышку у него подняла и села, удобно сидеть, а когда встала, то вода сама побежала, забурлила, и запах сразу пошел цветочный, а крышка от унитаза сама медленно стала опускаться вниз. Я

опять крышку подняла и села, он опять воду пустил, когда я встала. Забавно! Решила я душ принять. Разделась и под струю воды встала. Воду лей сколько хочешь, на колодец идти не надо. Баночку нашла, написано на ней «Гель для душа». То, что надо. Гель оказался очень пахучим, а уж пены от него столько было, что я её с трудом смыла. Вода горячая бежит, напор сильный, ой как хорошо! Правда сначала помучилась, пока разобралась как включить душ, но получилось. Вдруг слышу дверь входная хлопнула. Я полотенцем обмоталась и тихонько выхожу из ванной. Посредине комнаты стоит девушка, постарше меня, но не на много. Постарше – это потому что мне восемнадцать лет, а ей как потом выяснилась тридцать с маленьким хвостиком было. Увидела меня, внимательно посмотрела:

–Здравствуй, как зовут тебя?

– Бабетта, – отвечаю, а самой смешно, как будто мы в какую-то игру играем.

– Молодец, хорошее имя выбрала, идёт тебе. Иди поближе ко мне.

Я подошла.

– Сними полотенце, хочу на тебя посмотреть.

Я полотенце сняла и сразу увидела себя в зеркале на двери во весь рост.

– Очень хорошо, даже скажу отлично. – сказала девушка.

А я и сама вижу, что отлично. Странно мне, ещё утром собираясь в лес смотрела на себя в зеркало, что я видела –

пожилую женщину, почти всю седую. А что я увидела сейчас? Молодость и красоту, языком во рту провожу – все зубы на месте. Тело у меня белое и нежное, волосы длинные. Вот так вот! Дедушка как мне нагадал.

Рада усадила меня на диван и начала со мной беседу. Расспросила откуда я, сколько мне лет, кто мои родственники. Я ей честно всё про себя рассказала, только про ту, что была сорок лет назад. Спросила про паспорт и вот тут я чуть не попалась. Паспорта у меня не было. Но Рада выручила. Говорит, паспорт, наверное, у тётки, которая меня привезла, остался. Завтра заберу.

– Повезло тебе, счастливый билет ты вытянула. Хозяин твой человек очень богатый. Всё, о чем только мечтать можно у него есть, а если и нет чего, то купит – не проблема. Живёт как ему хочется. Появилась у него прихоть – захотелось ему девушку, обязательно красивую и невинную. Отбирали строго, обман исключен. Девушке должно быть восемнадцать лет, с малолеткой он связываться не пожелал. Девушка должна быть не глупой и чистоплотной. И если есть у неё голова на плечах, она как сыр в масле кататься будет. Поэтому старайся ему понравиться. Не будь жадной. Не заносись и ни на что не претендуй. Будь проще. Я тебе буду помогать освоиться и научу как надо себя вести. У тебя будет свой парикмахер, стилист и косметолог. К тебе будет приходиться массажистка два раза в неделю. Будешь посещать психолога, замечательного такого дядечку Станислава Сбигне-

вича, он тебе будет мозги вправлять, чтобы крышу не снесло от счастья. Одежду будут доставлять домой на то время, пока ты с хозяином жить будешь в этой квартире. Вопросы есть?

Нет у меня вопросов. Молчу да улыбаюсь. Говорила Рада быстро. Многое я так до конца и не поняла. А пересказываю вам наш разговор своими словами.

Пообещала мне Рада, что завтра она займётся моим внешним видом, а сегодня предложила посмотреть Москву.

– Хочешь? – спросила она меня.

– С радостью. – отвечаю.

Мы отправились смотреть город. Рада привезла меня в центр Москвы. Я по деревенской привычке прикидываю, сколько же денег надо было истратить, чтобы такую красоту отстроить. Думаю, «Ну и ладно, мы-то уже привыкли, что живём без удобств, и кроме резиновых сапог осенью и весной нет у нас другой обуви, что нет газа и обогреваемся печками, бог с ним, раз уж потратили все деньги на Москву, пусть будет так. Пусть Москва наша матушка процветает. Как тут не загордиться, как не порадоваться, что ты русский человек.

После прогулки пригласила меня Рада поужинать в кафе.

Ну, должна я вам сказать, это конечно не наше «Солнышко». Сравнивать нельзя. Чистота вокруг, уютно, пахнет вкусно, официантка, в черном фартуке до самого пола, вежливо заказ у нас приняла и быстро заказ принесла. Окинула я взглядом стол и загрустила: «Вот бы мамка моя попробовала

такую вкуснотищу! Мы и продуктов таких не знали. В основном в печке в чугунах готовили, вспомнила я щи из квашеной капусты и верите, даже слезы у меня навернулись. Но быстро хорошее настроение появилось, потому что поставили передо мной десерт: горячее мороженное. Я и холодное люблю, с детства у меня тяга к нему, а про горячее говорить нечего, правда пробовала я его впервые в жизни. В общем, Рай пресветлый!

На следующий день Рада с утра пораньше начала наводить мне красоту. Об этом я рассказывать не буду, неинтересно это вам будет. Скажу только, что результатом довольна была и я и Рада. Она готовила меня к встрече с хозяином. Встреча должна была состояться в ресторане, куда меня пригласил хозяин, не напрямую конечно, а через Раду. Сейчас я перейду к главному.

Наступил вечер, и мы с Радой поехали в ресторан. Платье для меня она выбрала неброское, но очень мне подходящее, по фигуре красиво сидело и коленки открывало не сильно, а так как надо для порядочной девушки. (Это мне Рада пояснила). В ресторан я пошла одна, Рада уехала, напоследок пожелав удачи. При входе управляющий спросил кто я и провел через весь зал к столику в самом углу. Помог сесть за стол. На против меня сидел хозяин...

Первое впечатление о нем было таким, – женщина нахмурила брови и почему-то укоризненно покачала головой. – Ни вашим ни нашим – твердо произнесла она.

– Что это значит?

– Значит это, мужик как мужик, ничего особенного. Не буду обманывать, поселковым мужикам до него далеко. Наш мужик в пятьдесят лет уже старик. А этот ещё огурчик, крепкий такой и свежий.

– Бажен, а вас как величать прекрасное дитя? И руку мне протягивает. Я руку ему в ответ и весело так отвечаю:

– Бабетта.

Он же пристального взгляда с меня не сводит, иной раз даже глаза прищурит. Рассматривает и оценивает. Чувствую, что понравилась ему. Я тоже присматривалась. Очень уж Бажен холенный да вальяжный, руки белые у него да нежные как у женщины, сразу видно, тяжёлой работы не знали. Говорит красиво да складно, ни разику не ругнулся. Закусок нам разных принесли. Все культурно. Удивило меня только, что он вилкой в тарелке нехотя ковыряет, почти всю еду нетронутой оставил, зато вино охотно пьёт. Официант ему в бокал подливает, а он бокал на уровень глаз поднимет, на свет посмотрит, покрутит им, чтобы вино взболтать и небольшими глотками пьёт. Всякое я видела употребление алкоголя: и из горлышка бутылки напрямую мужики в себя вливали, и стаканами грохали, и бутылку водки без закуски выпивали не пьянея. Отец мой пил гнилушку – это плодово-ягодное вино. В народе называли его «бомба» из-за бутылки, бутылка семьсот пятьдесят граммовая из тёмного стекла, тяжёлая. Отец выпьёт за вечер две такие «бомбы» и падает за-

мертво. А Бажен вроде и пьёт вино, а вроде играет с ним. В общем, время пролетело незаметно. Пригласил Бажен меня после ресторана в ночной клуб. Как он мне сказал – «Очень приличное заведение». При входе в клуб встретили нас два красавца богатыря, увидели Бажена, чуть не в пояс ему поклонились. Засвидетельствовали, что знают его и уважают. А он идёт вперед и никого не замечает. Официант к нам подошёл, и он любезничает: «Ваш любимый столик предпочитаете?» Бажен кивнул головой, не глядя на официанта. Не успели мы сесть на мягкие диванчики, как на столе появились стаканы с коктейлями и меню. Всё мне в новинку, стойка барная, площадка, где люди танцуют, а вокруг площадки диванчики и столики расставлены. Посредине зала красуется раззолоченная клетка круглой формы с завитушками, на жёрдочках которой крутились две девушки, практически голые. «Наверное, акробатки», – подумала я. Музыка бухала так, что у меня с непривычки заложило в ушах, но со временем привыкла к шуму, да и коктейли быстро помогли освоиться. Ох, и натанцевалась я в тот вечер. Мы с Баженем крутились и вертелись как веретено в руках у моей бабушки, когда она кудельку пряла. Мне понравилось, и Бажен тоже был доволен. Из клуба отправились ко мне на квартиру, это уже под утро. В машине он поцеловал мне руку и сказал: «До завтра Бабетта, спи спокойно». Он уехал, а я поднялась в квартиру, легла спать и проспала крепко и сладко почти до обеда. Как я мечтала о таком сне долгими ночами! Так могут

спать только люди молодые и счастливые, старики нет.

На следующий день я готовилась к встрече с Баженом.

Как вы спрашиваете готовилась? Ждала его. Целый день терпеливо ждала. Не буду обманывать, что не ела и не пила, потому что ко мне вернулся не только крепкий сон, но и «молодецкий» аппетит. Когда позвонили, я сосчитала до десяти, глубоко вздохнула и открыла дверь. За годы вдовства я отвыкла от мужчины, поэтому я думаю, что неопытность и волнение получились у меня правдоподобно. Бажен сказал, что первый раз должен быть для девушки запоминающимся и приятным. А я вспоминала, свой первый раз с Игорем в лесу на жёсткой земле. Игорь тогда не думал – приятно мне или нет. А когда поженились, он вообще не задумывался о том, что я чувствую. Внимательной и заботливой должна была быть я. Он же говорил, что к нему не должно быть претензий, так как деньги он зарабатывает. По улице мы ходили так: Игорь впереди, а я за ним следом. Если я болела, он этого не замечал, с детьми он обращался примерно также. Иногда на меня наплывала нежность, хотелось его обнять, прижаться к нему, но он отталкивал, ему всегда было не до глупостей. Постепенно я стала стесняться своих чувств к нему. Невольно я сравнила Бажена с Игорем. Захотелось плакать, и я заплакала. «Мне очень хорошо». – сказала я Бажену. На что он погладил меня по голове, поцеловал мои волосы и прошептал: «Твои волосы пахнут весной!».

Так побежали мои счастливые дни. Не успевало солнце

взойти, как уже день близился к вечеру. Я наслаждалась беспечной и сытой жизнью. И теперь на своём опыте поняла, как недостаток меняет человека. Очень приятно жить, не экономя и не считая деньги, быть уверенной в завтрашнем дне. Верите ли, улыбка не сходила у меня с лица.

Однажды, Бажен приехал ко мне не один, а с очень красивой девушкой.

– Ну что, Бабетта, пойдём в разгул-загул? – спросил он.

Я согласно кивнула головой. И мы пошли. За свою скромную и одинокую жизнь, ни с чем подобным, конечно, не сталкивалась, но самое поразительное, не чувствовала я стыда и неловкости. Всё происходившее со мной, принимала спокойно. Не могу сказать, что мне нравилось, но противно не было точно. Способствовало этому ещё и обилие таблеток, которые пил Бажен и предлагал мне. Развлекаться втроем ему очень нравилось. Потом, уставшие мы много пили и ели, и через какое-то время Бажен отпускал красивую девушку. Она уходила довольная то ли гонораром, то ли приятно проведённым временем.

Разгулы-загулы продолжались ещё какое-то время. Ездили мы несколько раз в удаленные от города дома. Эти места Бажен называл закрытыми клубами, попасть туда можно лишь по приглашениям. Я не спрашивала, кто делает эти приглашения. Вот там действительно был разгул-загул. Мужчины разных возрастов и комплекций, молодые и очень красивые девушки, подростки – девочки и мальчики, в

одном клубе я видела двух толстущек, абсолютно неприличных размеров. Кругом на столах были разложены различные игрушки для утех, стояла мебель, если так можно выразиться, очень неприличная. Алкоголь и возбуждающие средства в неограниченных количествах предлагались для всеобщего употребления. На столиках стояли вазочки с разноцветными таблетками. Бажен выбирал таблетку себе и предлагал мне. Играла тихо музыка и приглушенный свет создавал интимную обстановку. В воздухе висел приторно-сладкий аромат. Было жарко. Временами включали кондиционеры и разгоняли спертый воздух, но он очень быстро накалялся разгоряченными телами. Это были оргии, общий дух желания захлестывал всех присутствующих, и люди были похожи на животных, стремившихся любой ценой удовлетворить себя. После первого посещения такого клуба, Рада отвезла меня к Станиславу Сбигневичу. Вежливый доктор усадил меня на диван-облако и предложил рассказать ему, что меня заботит. Я подумала и ответила:

– Ничего.

Тогда он задал мне другой вопрос:

– Есть что то, что шокирует тебя, вызывает неприятные эмоции?

– Ничего.

– То есть групповые оргии и всё с чем ты столкнулась в последнее время тебя не расстроило?

– Нет.

Станислав Сбигневич подошел к окну и долго смотрел на улицу.

– Значит, у тебя нет жалоб?

– Нет.

– Значит, ты не осуждаешь Бажена за то, что он втянул тебя в этот разврат.

– Нет, он так развлекается. – ответила я.

И тогда Станислав Сбигневич прочитал мне лекцию о пользе, которую приносит секс, конечно, если он происходит по согласию. Важно, что всё должно быть добровольно, без принуждения. Он пытался мне объяснить, что это разгрузка для психики человека, на котором лежит бремя ответственности от денег. Он много чего говорил, но я практически его не слушала. Я не хотела знать, зачем Бажен ездит в клуб, зачем ему были нужны загулы, и что значит для него секс. Я пыталась объяснить себе чудесное превращение гусыни в лебедя. И скажу честно, был момент, когда я с трудом сдержалась, чтобы не спросить Станислава Сбигневича, как он может объяснить то, что произошло со мной. А ещё, я помнила, как безжалостно время и как стремительно утекают мои минуты, часы и дни.

Станислава Сбигневича я посетила три раза, но беседы с ним не произвели на меня никакого впечатления. Его речь, порой очень заумная, наводила меня на мысль, что учиться надо всем премудростям самому, и редко кто даже очень умный-разумный может быть тебе полезным.

Пришел момент, когда разгулы-загулы закончились. Бажен как будто насытился всем этим. Он больше не приводил красивую девушку к нам. Всё чаще Бажен оставался на ночь, и мы проводили время вдвоем. Оказалось, что с мужчиной можно говорить по душам, можно быть откровенной и можно чувствовать себя довольной, даже если в комнате тишина и ты лежишь на плече у мужчины и одной рукой он обнимает тебя, а в другой держит сигарету и когда затягивается, и выпускает дым изо рта, то отворачивает голову, и этот простой жест служит подтверждением, что он проявляет внимание к тебе.

Как-то утром, я проснулась и долго смотрела на спящего Бажена. Как спокойно было его лицо. Сон смягчил властное выражение, и его лицо не выделилось бы из множества других скучных и несимпатичных лиц. И я подумала: «Бажен, ты обычный мужик, нет у тебя ни одного достоинства от природы, кроме того, что получилось у тебя заработать денег». Не спорю, не у каждого есть такая способность. Как бы ты уходил в загулы и использовал молоденьких девушек для своего удовлетворения будь ты беден. Смог бы быть таким высокомерным и в грош не ставить других людей, если бы не власть твоих денег. Ох, как деньги меняют людей! Вот я. Денег у меня не было, но было чувство, что я имею отношение к деньгам Бажена. Он содержал меня, я жила в его прекрасной квартире, я пользовалась преимуществами от сожительства с ним. И это меня очень испортило. Безза-

ботная жизнь всего за месяц превратила меня в Марью-искусницу. Всё то время, что я была с Баженом, не выходили у меня из головы слова из сказки «Что воля, что неволя – все равно». Лишь бы эта беззаботная жизнь не заканчивалась. Я понимала, что была не лучше побирушки на улице. Ведь не стыдно просить им милостыню, и мне было не стыдно. Я жила не задумываясь, и порой не понимала, что происходит со мной – явь ли это или сон. Опять зависимость от мужчины. Если когда-то я следовала за Игорем, то теперь выполняю все прихоти Бажена. Опять мои чувства никого не волнуют. И если так, то какая разница сколько тебе лет и как ты выглядишь. Главное, чтобы не томило тебя чувство одиночества. И почему я решила, что мужчина так много значит в судьбе женщины. Наверное, Бажен почувствовал мой взгляд на себе. Он открыл глаза. Какое-то время мы внимательно смотрели друг на друга.

– Бабетта, твой взгляд напоминает мне взгляд одной женщины, которая смотрела на меня так, как будто она моя мать и сейчас начнёт учить жизни. Ты не спросишь, что это была за женщина?

– Зачем. – ответила я.

– Она была мне дорога, хотя я долгое время не признавался себе в этом. Мне не хватает её.

Я молчала.

– Почему ты плачешь, Бабетта? – спросил Бажен. Он провел рукой по моей щеке, и капелька слезы осталась у него на

пальце. – Это было давно, очень давно.

– Это было давно, но мне так приятно это слышать. – ответила я.

– Какая же ты чудачка, Бабетта! Первый раз в жизни я встречаю такую девушку. Знаешь, благодаря тебе, я успокоился. Был период, когда я не находил себе места. Теперь у меня на душе спокойно.

– Давно хотела спросить, что означает ваше имя?

– Это старинное русское имя. Бажен – значит любимый, желанный.

Почему он не услышал моего крика: «Пожалуйста, Бажен, спаси меня!» Я наивно надеялась на его помощь, и как горько было мне сознавать, что никто не может мне помочь.

Моя история подходила к концу. Я знала какая будет расплата за мою сказочную жизнь. Я устала. Чем ближе была роковая черта, тем равнодушнее я становилась. Всё чаще вспоминала свою прошлую жизнь, всё настойчивее приходила ко мне мысль о будущем. Я понимала, что уже не вернусь домой, не стану прежней. Иногда мне казалось, что ещё мгновение и я потеряю сознание и провалюсь в темноту. Наверное, это было последствие от приема тех разноцветных таблеток. Мы не ходили больше по загородным клубам, но таблетки Бажен принимал постоянно и заставлял меня.

К сожалению, хорошее заканчивается быстро. Завтра наступит для меня последний день в облике Бабетты. Я попросила Бажена провести его со мной. Он предложил:

– Хочешь, поедem загород. У меня есть дом на берегу озера, там очень красивые места.

Рано утром выехали из Москвы. Бажен сам вёл машину. Одной рукой он держал руль, свободной рукой он крепко сжимал мою руку. Он рассказывал смешные истории, я смеялась. Он молчал, и я молчала. Он был задумчив, и я размышляла про себя. Когда-то семнадцатилетней девчонкой, я не знала такой красивой жизни. Игорь не обращался со мной так, как обращается Бажен. Я задавала себе вопрос, почему Бажен покупает за деньги молодость и красоту и пользуется ими с удовольствием, а Игорь имел это бесплатно, но не дорожил мной, и ни разу не задумался о том, счастлива я или нет. Да что говорить про меня! Я хотела сделать счастливым его, но у меня не получилось. Вышло так, что ни в молодости, ни в зрелые годы не знала я мужской любви. Сама себе задавала вопрос, почему? Ведь я верная, старательная, домовитая. Как получилось, что не нашлось на этой земле мужика, которому бы я действительно была нужна.

Светлана Николаевна провела по лицу рукой, ладонь задержалась и закрыла рот. Женщина не хочет, чтобы Человек видел, как задрожали у нее губы. Успокоившись, она продолжила:

– Дорога закончилась, мы приехали к тому месту, где должны были расстаться с Баженом навсегда.

Деревянный терем (домом назвать язык не поворачивается), стоял действительно на берегу озера, в окружении веко-

ВЫХ ЛИП.

День пролетел незаметно, ужин накрыли в затейливой беседке у самой воды. Бажен сам приготовил мясо на углях. Он пил вино (высоко поднятый бокал привычно крутился в его тонких пальцах) и много говорил. Я пила воду и молчала. Стемнело. Где-то вдали мерцал костер, по воде разносился смех и громкая речь. Веселая компания на берегу хорошо проводила время. Звучала музыка. «Совпадение, – подумала я, – в молодости это была моя самая любимая песня».

– Не плачь, ещё одна осталась ночь у нас с тобой, ещё один раз прошепчу тебе ты мой... – неожиданно запела Светлана Николаевна.

Она пела тихо, и такая печаль разлилась по её лицу, что Человек остановился и приобнял женщину за плечи.

– Ну, не надо так грустить. – сказал он.

– Не жалейте меня! Страшно понимать, что всё в прошлом, не вернешь, не потрогаешь, не увидишься. Жизнь пролетела как одно мгновение.

Женщина шумно высморкалась в скомканный платок, который на протяжении всего разговора не выпускала из рук. Утёрла слезы и продолжила:

– Вечером, в постели Бажен сказал мне прощальные слова: «Закрывай глаза, милая Бабетта. Завтра будет новый день. Закрывай глаза и ни чего бойся».

Я последовала его совету, но меня испугал страшный сон. Снилось, что стою я на берегу широкой-широкой реки. Во-

да в реке темная, почти черная. Она медленно и тяжело течет мимо меня. И вдруг отчётливо вижу в воде тело человека. Утопленник лежит на спине, у него раскинуты руки, белые невидящие глаза устремлены в небо. Чёрная вода и вид мёртвого человека вызывают такой ужас, что я вздрагиваю и просыпаюсь. Я нахожусь в том жутком коридоре, который привел меня к вам. И больше мне нечего вам рассказывать.

– Светлана Николаевна, вы очень разумная женщина. Мне было приятно быть рядом с вами, но пришло время нам расстаться.

Женщина опускает голову и смотрит себе под ноги.

– Вы что -то хотите добавить?

– Я всю жизнь хотела любви. Да, никогда и никому не признавалась в этом. Но с детских лет мечтала, что появится человек, который будет меня любить.

– Почему любовь так много для вас значит, Светлана Николаевна?

– Это очень хороший вопрос, но я не знаю на него ответа. Я так и не поняла, что такое любовь – душевное ли чувство или часть жизни. Знаю только, что любовь забирала у меня силы, без неё я не могла жить. Моя любовь к Игорю началась задолго до того момента, как я его встретила. Порой мне кажется, что я начала его любить, когда пряталась от всего мира в той щели за шкафом, будучи еще совсем ребёнком. Когда Игорь умер, и первая самая горестная волна схлынула, я даже обрадовалась в душе, что он умер. Да, обрадовалась! Не

смотрите на меня с укором. Теперь я могла жить с ним так как я хотела. Я внушила себе мысль, что он рядом со мной. Иногда даже разговаривала с Игорем. В этом придуманном мире я была очень им любима. Теперь он не уйдет к другой женщине и не будет мне изменять. Теперь он мой и только мой навсегда. Все эти годы мы жили вместе. Только он становился старше с годами, а я в своих мечтах оставалась молодой. Пустая жизнь, которой я жила, приобретала смысл, потому что на самом деле я была никому не нужна. И это я говорю вам честно. Работая в магазине, я пристрастилась читать любовные романы. Время свободное было, магазинчик не ходовой. Я читала про чужую любовь запоем, а когда возвращалась вечером домой, меня ждал Игорь. Книжная любовь меня очень вдохновляла. Я знала кто такая Бабетта и Брижит Бордо, и я смотрела фильм «Бабетта идет на войну».

Какое-то время Светлана Николаевна молчит.

– Один вопрос не дает мне покоя.

– Какой? – спрашивает Человек.

– Скажите, была ли у Игоря мечта?

– Он хотел вырваться из посёлка. Ваш муж думал, что тогда его жизнь изменится, и он сможет стать другим человеком.

– Каким другим?

– Счастливым.

– Вот оно как!

Женщина не замечает, что не ровная дорожка вьется у них

под ногами, а ступают они по плотному мху и двигаются среди высоких сосен. Они идут по лесу.

Человек останавливается. Женщина делает несколько шагов вперед, оборачивается и удивлённо смотрит на Человека, который рукой указывает ей на что-то. Светлана Николаевна устремляет взгляд и видит в метрах двадцати себя, лежащую на земле в позе, которая не оставляет сомнения, что там лежит неживой человек. Светлана Николаевна, закрываясь от увиденного, крепко прижимает руки к лицу. Сначала слышатся тихие стоны, а потом уже не сдерживая себя, Светлана Николаевна плачет отчаянно, но, наконец, затихает, и в наступившей тишине ласковый голос отчетливо произносит:

– Не бойтесь, любезная моя!

Человека рядом нет. Вместо него облако белого газа, которое приблизилось к женщине, и она оказалась внутри него. Ноги легко оторвались от земли, и Светлана Николаевна плавно устремилась ввысь. Она опустила прощальный взгляд на лежащую на земле женщину, теперь такую чужую и далёкую, на посёлок и родной дом внизу. Перед ней мелькает лицо Игоря, потом Бажена, но происходит метаморфоза и лица сливаются друг с другом, вместо них возникли внимательные глаза Человека. Женщина перестала чувствовать своё физическое тело, она стала легкой и неосязаемой. С радостью думает она: «Как же мне хорошо, как спокойно, так спокойно мне не было никогда в жизни!» Облако редет и рассеивается, и вот уже на голубом небосводе остатки его

разлетаются от порыва ветра.